

Альтер М.

**Фотография
для
паспорта**

Альтер М.

Фотография для паспорта

<https://litres.ru/74136168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый фотограф из подвального ателье на Садовой неожиданно обнаруживает, что его камера запечатлевает не лица, а посмертные маски. Каждый снимок крадёт у клиента годы жизни, ускоряя его гибель. Вместе с бывшей жертвой проклятия он пытается разгадать тайну «стеклянного демона», ведущую в глубь веков — к безумному алхимику, жутким ритуалам и древнему злу, заточённому в уральской пещере. Чтобы разорвать цепь смертей и очистить собственные души, им предстоит пожертвовать самым дорогим и заглянуть туда, откуда нет возврата. Мистический хоррор о цене ошибок и силе искупления.

Содержание

Глава 1. Светопись тления	4
Глава 2. Красная комната	27
Глава 3. Архив ужаса	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Альтер М.

Фотография для паспорта

Глава 1. Светопись тления

Запах проявителя вьелся в стены этого кабинета так глубоко, что, казалось, им пропитались даже кости сидящего внутри человека. Это был сложный, многогранный аромат, который непосвященный нос счел бы просто химическим смрадом, но Андрей Ильич различал в нем десятки оттенков. Здесь смешивались резкая горечь гидрохинона, едкая щелочность натриевого сульфита и тонкий, сладковатый дух закрепителя, похожий на запах прелых листьев, застигнутых первым морозом. Этот букет был для него привычнее и роднее, чем любой парфюм. Он заменял ему воздух большого города, от которого он отгородился двойной дверью с выцветшей табличкой «Срочное фото на документы. Ателье «Момент».

Ателье «Момент» ютилось в полуподвале старого кирпичного дома на пересечении Садовой и переулка Гривцова. Это был один из тех домов, что чудом пережили блокаду, перестройку и натиск стеклянно-бетонных гигантов, наступавших со всех сторон. Фасад его хранил благородную патину времени, но стоило шагнуть в арку и спуститься на четыре

выщербленные ступеньки, как ты попадал в царство вечных сумерек и особой, музейной тишины. Андрей Ильич ценил эту тишину. За тридцать лет работы он научился различать в ней малейшие нюансы: тихое гудение трансформатора в старой вспышке, мерное капанье воды в туалетной комнате, поскрипывание разохшейся половицы под линолеумом. Тишина была его соавтором. В ней, как на белой фотобумаге, проступали образы людей, пришедших за квадратиком глянцевого бессмертия для паспорта.

Сегодняшний день был из тех, что он называл «пустыми». Утренний поток схлынул: пара торопливых студентов, бабушка с просроченным полисом и угрюмый мужчина, которому снимок был нужен на визу. Все они прошли через его кабинет, оставив после себя лишь легкое возмущение воздуха и неясный шлейф своих тревог. Сейчас, в послеполуденной духоте, мир за окном словно вымер. Андрей Ильич сидел за массивным дубовым столом, служившим ему еще с девяностых, и нарезал паспарту. Тупые ножницы с хрустом смыкались на плотном картоне, оставляя ровные белые поля. Это была медитативная, почти бессмысленная работа, позволявшая мыслям течь вяло и без цели.

Он бросил взгляд в окно-бойницу под самым потолком. Там, на уровне тротуара, мелькали ноги прохожих. Десятки ног. Туфли, кроссовки, ботинки, сапоги. Они спешили, обгоняли друг друга, шаркали и стучали, создавая безмолвный, угадываемый по одним лишь движениям ритм жизни.

Андрей Ильич давно привык смотреть на мир именно так — фрагментарно. Он смотрел на людей через видоискатель камеры, выхватывая из реальности лишь голову и плечи, отсекая все лишнее. Лицо на паспорт — это не портрет. Это схема, годная для опознания. Никаких улыбок, никаких эмоций, никакой игры света и тени. Плоский, резкий, безжалостно объективный свет двух зонтов на штативах. Щелчок. Следующий.

Механические часы на стене, огромный диск с черными римскими цифрами, хрипло пробили три. Звук упал в вязкую тишину, как камень в болото. Андрей Ильич вздохнул и отложил ножницы. В кабинете царил идеальный порядок, который он наводил каждое утро и поддерживал в течение дня. У стены, на фоне белого рулонного экрана, стоял тяжелый советский фотоаппарат на треноге — монументальная конструкция из дерева и металла, покрытая черным дерматином. Это был не просто инструмент. Это был ритуал. Андрей Ильич презирал «цифру». Он считал ее мертвой, пластмассовой подделкой, лишенной души. В цифровом снимке нет таинства, нет алхимии. Там нет момента преобразования, когда в красном свете фонаря на белом листе бумаги из небытия проступают контуры лица. Там все решает бездушная матрица. А здесь, в его камере «Фотокор-Н», жила настоящая магия стекла и света.

Он подошел к камере, провел рукой по ее деревянному основанию. Дерево было теплым и живым. Андрей Ильич

поправил фокусировочный мех, проверил затвор. Все было в идеальном состоянии, смазано, вычищено. Он поднял голову и встретился взглядом с собственным отражением в линзе объектива. Оттуда на него смотрел усталый человек предпенсионного возраста с глубокими залысынами, серой, словно присыпанной пеплом, кожей и мешками под глазами. Лицо, привыкшее быть по ту сторону камеры, но не привыкшее к собственной физиономии. Он сам себе казался плохим, невыразительным снимком.

Звякнул колокольчик над входной дверью. Резкий, дребезжащий звук прорезал тишину, заставив Андрея Ильича вздрогнуть. Он оторвался от созерцания объектива и повернулся ко входу. Из темного коридорчика, отделявшего кабинет от уличного тамбура, в комнату шагнула женщина.

Это была высокая, статная дама лет пятидесяти пяти на вид, одетая в строгий брючный костюм цвета темной сливы. От нее веяло той спокойной, уверенной властью, которая свойственна женщинам, привыкшим повелевать — школьным директорам, главным бухгалтерам, начальницам отделов кадров. В руках она держала лакированную сумочку, а на переносице сидели очки в тонкой золотой оправе. Но было в ней что-то еще, какая-то внутренняя напряженность, которая не вязалась с ее монументальным спокойствием. Ее губы были слегка поджаты, а взгляд, острый и цепкий, беспокойно блуждал по стенам кабинета, пока не остановился на фигуре фотографа.

— Добрый день, — произнесла она низким, хорошо поставленным голосом. — Вы работаете?

— Здравствуйте, — Андрей Ильич кашлянул, прочищая горло. — Да, конечно. Для вас всегда работаем. На какой документ требуется фото?

— На паспорт, — женщина сделала еще шаг вперед, и запах дорогих духов смешался с химическим амбре лаборатории. — Мне нужно срочно. Муж теряет паспорт с завидной регулярностью, видимо, скоро начнет терять голову. Делайте.

Она говорила отрывисто, словно отдавала команды, и при этом избегала смотреть прямо в глаза. Ее взгляд скользнул по объективу камеры и снова ушел в сторону. Андрея Ильича это не удивило. Многие клиенты нервничали перед съемкой. Фотография на паспорт — это маленькая лотерея. Никогда не знаешь, каким монстром ты предстанешь на документе, с которым придется жить ближайшие десять-двадцать лет.

— Присаживайтесь, — он указал на стул перед белым экраном. — Располагайтесь поудобнее. Спину прямо, плечи разверните. Голову чуть-чуть приподнимите.

Женщина села, аккуратно поставив сумочку на колени. Она механически выполнила все его указания, но напряжение не уходило. Она смотрела прямо перед собой, в черный зрачок объектива, и лицо ее, освобожденное от мимики, вдруг показалось Андрею Ильичу беззащитным. Словно она

сняла маску и осталась обнаженной под этим безжалостным светом. Он включил лампы подсветки. Яркие галогеновые лучи ударили ей в лицо, высветив каждую морщинку, каждую неровность тона. Женщина инстинктивно зажмурилась.

— Ярковатое, — сказала она.

— Это необходимо для резкости, — привычно соврал Андрей Ильич. На самом деле свет был ярким по его собственной прихоти. Ему нравилось, как резкие тени обнажают структуру лица. — Смотрите прямо в объектив. Сейчас вылетит птичка.

Он нырнул под черную бархатную накидку, скрывавшую заднюю стенку камеры. Мир исчез. Осталось лишь матовое стекло, на котором вверх ногами плавало размытое изображение. Вот оно, таинство. Андрей Ильич покрутил ручку фокусировки. Контуры лица обрели резкость. Он видел каждую деталь: тонкую сетку морщин у глаз, чуть опущенные уголки губ, родинку на правой щеке. Но что-то было не так. Какая-то дисгармония, словно фокус никак не мог ухватиться за главное. Он еще раз покрутил мех, добиваясь совершенной четкости. И в тот момент, когда изображение стало идеально резким, по спине у него пробежал холодок.

На матовом стекле лицо женщины, показавшееся ему напряженным, но в целом обычным, выглядело... старым. Нет, не старым. Древним. Это было лицо изможденной, тяжело больной старухи. Глаза глубоко запади, превратившись в черные провалы, щеки втянулись, обтянув выступающие

скулы, а кожа стала похожа на пергамент. Это было лицо человека, стоящего на пороге.

Андрей Ильич моргнул, уверенный, что это обман зрения. Он протер тыльной стороной ладони матовое стекло, но видение не исчезло. Сердце глухо бухнуло в груди. Он вынырнул из-под накидки, часто дыша.

Стул перед экраном был пуст. Женщина стояла у стола и поправляла прическу перед маленьким зеркальцем, которое достала из сумочки. Вид у нее был все такой же властный и спокойный.

— Что-то не так? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет-нет, — выдавил из себя Андрей Ильич. Голос его прозвучал хрипло. — Все в порядке. Давайте снимем. Смотрите в аппарат.

Она вернулась на место. Он снова нырнул под накидку, но теперь на матовом стекле было нормальное лицо. Просто лицо пятидесятипятилетней ухоженной женщины. Никаких провалов, никакого пергамента. «Померещилось, — подумал он. — Давление. Душно. Надо проветрить». Он вставил кассету с фотопластиной, вынул шибер. Руки его слегка дрожали.

— Внимание! — скомандовал он и нажал на резиновую грушу спуска.

Затвор мягко щелкнул, отсекая долю секунды из жизни этой женщины. Она вздрогнула от звука, словно от удара.

— Вот и все, — сказал Андрей Ильич, задвигая шибер

обратно. — Готово будет завтра после обеда.

— Хорошо, — женщина поднялась, одернула пиджак. — Я пришлю мужа.

Она положила на стол несколько купюр, взяла квитанцию и, не прощаясь, вышла. Колокольчик звякнул, и снова воцарилась тишина. Но теперь эта тишина была другой. Она была наполнена странной, звенящей тревогой. Андрей Ильич стоял посреди кабинета, сжимая в руке кассету с засвеченной пластиной, и не мог двинуться с места. Перед глазами у него стояло то жуткое видение на матовом стекле — лицо смерти, на мгновение проступившее сквозь живую плоть.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Работа есть работа. Он отнес кассету в тесную каморку, служившую ему проявочной, запер за собой дверь и погрузился в абсолютный, бархатный мрак. Лишь тусклый красный свет фотографического фонаря позволял различать контуры ванночек с реактивами. Здесь пахло еще сильнее — резко, химически, почти одуряюще. Но Андрею Ильичу этот запах всегда помогал сосредоточиться. Он был частью ритуала.

В полной темноте он вынул пластину из кассеты. Тонкая стеклянная пластинка с нанесенной на нее эмульсией. Как маленький кусочек застывшего времени. Он плавно опустил ее в кювету с проявителем и начал мерно покачивать. В красном сумраке на белой поверхности медленно, как проступающая из тумана фигура, начали появляться контуры. Сначала проявились самые темные участки — зрачки, те-

ни под скулами. Затем проступили полутона, и наконец, лицо обрело полную, пугающую ясность. Андрей Ильич всматривался в изображение, затаив дыхание. Сердце его колотилось о ребра. Он ждал, что сейчас, в этом багровом свете, на него снова взглянет старуха. Но нет. С пластины смотрела та же женщина, что сидела перед его камерой. Напряженная, с поджатыми губами, но живая и здоровая. Он выдохнул с облегчением. Померещилось.

Дальше все пошло по накатанной. Остановка проявления, промывка, закрепление. Он машинально выполнял все операции, думая о странном наваждении. Он знал за собой эту слабость — впечатлительность. Слишком много лет он провел в темноте, вглядываясь в чужие лица. Иногда мозг начал играть с ним злые шутки. Ему казалось, что на снимках люди слегка косятся в сторону, или что уголки их губ подрагивают в усмешке. Но такое... такое было впервые.

Держа пинцетом мокрую пластину, он вышел из проявочной в кабинет и поднес ее к окну, чтобы рассмотреть при дневном свете. И в этот момент мир покачнулся. Его пальцы разжались. Тонкое стекло выскользнуло из пинцета, ударилось о край стола, перевернулось в воздухе, сверкнув эмульсионным слоем, и с отвратительным, сочным хрустом разбилось об пол.

Осколки брызнули в разные стороны, застучав по линолеуму. Андрей Ильич смотрел на них, не в силах пошевелиться. На него накатила волна дурноты. Разбить негатив — пло-

хая примета, хуже не придумаешь. Но хуже было другое. В ту секунду, когда пластина переворачивалась в воздухе, ему показалось... нет, он был уверен, что увидел на ней не лицо женщины. Он увидел голый, оскаленный в безмолвном крике череп. Это было лишь мгновение, игра света на мокрой эмульсии, но этого мгновения хватило, чтобы ледяной ужас сковал его внутренности.

Он бросился подбирать осколки, бормоча ругательства. Руки тряслись. Острые края резали пальцы, оставляя на линолеуме темные капли крови. Кровь смешивалась с остатками химикатов, образуя маслянистые разводы. Самый крупный осколок лежал у ножки стула. Андрей Ильич поднял его, поднес к свету. На эмульсии, среди паутины трещин, уцелел фрагмент лица. Глаз. Женский глаз. Он смотрел прямо, спокойно, даже равнодушно. Никакой старухи. Никакого черепа. Просто глаз.

Андрей Ильич швырнул осколок в мусорную корзину, прошел к умывальнику и долго мыл руки, смывая кровь и впившийся в кожу запах реактивов. Вода была холодной, но не могла унять дрожь. «Все, — сказал он своему отражению в мутном зеркале над раковиной. — Хватит. Ты просто переутомился. Нужно в отпуск. Или к врачу. Или просто выпить». Но работа не ждала. Завтра придет муж той женщины, и ему нужен снимок. Придется переснимать. Позор, какого не было уже двадцать лет. Испорченная пластина, разбитый негатив. Непрофессионально.

Он собрал осколки в плотный бумажный пакет, тщательно протер пол. Настроение было безнадежно испорчено. Вечером, запирая ателье, он долго возился с замком, чего за ним обычно не водилось. Улица встретила его сырым, промозглым ветром. Огни витрин расплывались в пелене начинающегося дождя. Андрей Ильич поднял воротник плаща и зашагал к метро, стараясь не наступать на стыки плит. Весь путь домой его не покидало ощущение, что кто-то смотрит ему в спину. Он оборачивался, но видел лишь спешащих по своим делам прохожих.

Следующее утро не принесло облегчения. Андрей Ильич проснулся разбитым, с головной болью и неприятным осадком на душе. Снилось ему какая-то чепуха: бесконечная анфилада темных комнат, в каждой из которых горел красный фонарь, и на стенах висели сотни фотографий. На всех снимках были люди с пустыми глазницами, и все они, как ему казалось во сне, смотрели на него.

В ателье он пришел раньше обычного. Нужно было подготовиться к разговору с мужем клиентки. Он написал объяснительную для себя самого, отрепетировал виноватую улыбку. Когда колокольчик на двери звякнул, он был почти готов. В кабинет вошел невысокий, лысоватый мужчина в мятом плаще. Вид у него был забитый и какой-то потерянный. Типичный муж властной женщины. Андрей Ильич сразу признал в нем того самого клиента.

— Здравствуйте. Я от супруги. За фотографиями, — тихо

сказал мужчина. — Фамилия Звонаревы.

— Да-да, проходите, — засуетился Андрей Ильич. — Тут такое дело, произошла досадная накладка. Ошибка на стадии проявки. Брак. С кем не бывает, техника, знаете ли... Я вынужден попросить вашу супругу зайти еще раз. Совершенно бесплатно, разумеется. И мои глубочайшие извинения.

Он ожидал скандала, упреков, угроз жалобной книгой. Но реакция мужчины была совершенно иной. Он вдруг побледнел так сильно, что Андрей Ильич испугался, не станет ли тому плохо.

— Не вышло? — прошептал Звонарев, хватаясь за косяк двери. — Слава богу.

— Что, простите?

— Я говорю, слава богу, — повторил мужчина, глядя на фотографа глазами, полными животного страха. — Не нужно ее переснимать. Мы придем. Позже. Когда-нибудь. Не сейчас.

Он отшатнулся, словно боялся, что Андрей Ильич схватит его и насильно усадит перед камерой, и, не прощаясь, выскочил за дверь. Колокольчик истерично залился, и все стихло. Андрей Ильич остался стоять посреди кабинета с раскрытым ртом. Его тщательно отрепетированная речь разбилась о эту неожиданную, истерическую благодарность. Клиент не просто простил ошибку, он был счастлив, что снимок не получился. Это было в высшей степени странно.

День пошел наперекосяк. Странности множились, как кролики в известной задаче. Сразу после обеда, когда напряжение немного спало, а он сидел и вяло просматривал старый, потрепанный журнал «Советское фото» за восемьдесят седьмой год, дверь резко распахнулась. На пороге стоял парень лет двадцати пяти, весь какой-то бледный и взъерошенный. Он не вошел, а ворвался в кабинет, как порыв сквозняка, неся с собой запах уличной сырости и дешевого табака.

— Вы! — выдохнул он, тыча пальцем в Андрея Ильича. Глаза его горели нездоровым, лихорадочным блеском. — Это вы меня фотографировали! Год назад!

Андрей Ильич отложил журнал. Он совершенно не помнил этого парня. За год через его кабинет проходят сотни, если не тысячи людей. Все они сливаются в однородную массу тревожных, напряженных лиц, замирающих на мгновение перед вспышкой. Он сощурился, пытаясь извлечь из памяти хоть какую-то зацепку. Бесполезно.

— Допустим, — осторожно ответил он. — Я многих фотографирую. У вас претензии?

— Претензии?! — парень сорвался на визг. Он сунул руку во внутренний карман куртки и швырнул на стол скомканный кусок плотной бумаги. — Полюбуйтесь на свои претензии!

Андрей Ильич взял снимок, расправил его на столе. Это была стандартная фотография для паспорта. С нее смотрел этот самый парень, только моложе. Свежее лицо, ясные гла-

за. Ничего примечательного. Обычное, незапоминающееся лицо. Он перевел взгляд с фотографии на парня, и первое, что бросилось в глаза — разница. Парень выглядел старше. Сильно старше. Но это было объяснимо — год прошел. Стрессы, недосыпы, вредные привычки. Мало ли что.

— И что я должен увидеть? — спросил Андрей Ильич.

— Вы что, слепой?! — заорал парень. — Посмотрите на меня! Посмотрите на фото!

Андрей Ильич посмотрел. Он был профессионалом. Его глаз, натренированный годами, мгновенно схватывал мельчайшие детали. И то, что он увидел, заставило его нахмуриться. Морщины на лбу. Складки у рта. Мешки под глазами. Все это было у живого парня. Но на фотографии... на фотографии всего этого не было. Сначала. А теперь, когда он всмотрелся, ему показалось, что лицо на снимке начинает меняться. Легкая рябь прошла по глянцевой поверхности. И вдруг он ясно, отчётливо увидел, что лицо на фотографии — это не лицо молодого человека из прошлого. Это было лицо того, кто стоял перед ним сейчас. Абсолютно идентичное. С теми же морщинами, теми же складками, той же серой, усталой кожей. Эффект был жуткий. словно фотография сиюминутно отражала реальность, игнорируя годовой промежуток.

— Это не я! — кричал парень, и в его голосе слышались слезы. — Год назад я так не выглядел! Я был молодой, понимаете?! А теперь я смотрю на эту гребаную карточку, и с

каждым днем я все больше похож на нее! Она меняется! Она стареет вместо меня! Или вместе со мной, но быстрее! Я не знаю, что это за чертовщина, но это началось здесь! Что вы со мной сделали?!

— Успокойтесь, — Андрей Ильич встал из-за стола, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. — Это технический брак. Некачественная бумага, выцветание. Такое бывает.

— Выцветание? — парень истерически расхохотался. — Выцветание добавляет морщины?! Вы мне мозги не пудрите! Я навел справки. Я не один такой. Есть еще люди. Они тоже у вас снимались год назад. И у них то же самое!

Он вдруг резко успокоился, словно выплеснул всю энергию. Его плечи опустились, лицо стало безжизненным.

— Я не знаю, кто вы, — сказал он глухо. — Колдун, экстрасенс, кто... Но я прошу вас. Умоляю. Снимите это. Верните все, как было. Я не хочу стареть. Я боюсь. Я каждое утро смотрю в зеркало и вижу лицо с этой фотографии. Я вижу свою смерть.

Он резко повернулся и выбежал прочь, оставив дверь распахнутой настежь. Холодный ветер ворвался в кабинет, взметнув со стола кипу бумаг. Один листок, покружившись, опустился прямо на ту злосчастную фотографию. Андрей Ильич смотрел на оставленный парнем снимок, и холодный, липкий страх медленно разливался по его жилам.

Оставшуюся часть дня он не мог найти себе места. Слова парня звенели у него в ушах. «Я не один такой. Есть еще лю-

ди». Это было безумием. Плодом чьего-то больного воображения. Но память, против его воли, услужливо подкидывала странные детали последних месяцев. Клиенты, которые заказывали фотографии, но не возвращались за ними. Звонки с незнакомых номеров, когда на том конце провода молчали, а потом бросали трубку. Или наоборот — начинали кричать, обвинять его в чертовщине, пока он, решив, что это розыгрыш, не вешал трубку. Все это он списывал на городских сумасшедших, на общее помутнение рассудка, на что угодно. Но сейчас эти разрозненные эпизоды начали складываться в ужасающую картину.

Нужно было проверить. Просто чтобы убедиться, что он не сходит с ума. У него был архив. Безупречный, педантичный архив за много лет. Он никогда не выбрасывал негативы. Это было его золотым правилом. Фотопластины и пленки хранились в идеальном порядке, рассортированные по годам, месяцам и числам, в специальных шкафах в дальней кладовой. Там, в прохладе и темноте, покоились тысячи лиц. Тысячи застывших мгновений.

Дождавшись вечера, когда дневной свет померк и улица за окном опустела, он запер входную дверь на ключ. Обычно он уходил домой в семь, но сегодня остался. Ателье «Момент» погрузилось в тишину, нарушаемую лишь шорохом его шагов да приглушенным шумом воды в старых трубах. Андрей Ильич включил в кладовой тусклую лампочку без плафона, которая свисала с потолка на витом шнуре. Света она давала

ровно столько, чтобы не заблудиться среди стеллажей с коробками. Архив здесь был устроен по системе, понятной ему одному. Каждая коробка, каждый конверт были подписаны его аккуратным, почти каллиграфическим почерком.

Он достал коробку с маркировкой «Прошлый год. Весна». Именно тогда, по его примерным подсчетам, к нему должен был приходиться тот истеричный парень. Пальцы его слегка дрожали, когда он перебирал пачки с негативами. Он не знал ни имени, ни точной даты. Он помнил лишь лицо, да и то смутно. Ему пришлось пересмотреть десятки пленок, держа их перед лампочкой и вглядываясь в крошечные, темные прямоугольнички кадров. В этой работе было что-то от спиритического сеанса. В полумраке кладовой, среди шороха бумаги и запаха старой химии, он вызывал духов прошлого, всматриваясь в лица людей, которые уже забыли о своем минутном визите в это ателье.

И наконец он нашел ее. Ту женщину. Звонареву. Ее негатив, аккуратно вложенный в бумажный конверт. Он узнал ее сразу по строгому костюму и властному развороту плеч. Негатив. С него не было сделано ни одного отпечатка. Кроме того, что разбился. Андрей Ильич поднес пленку к лампочке. Сердце пропустило удар. В негативе, в этом перевернутом мире, где черное — это белое, а белое — черное, было трудно что-то разобрать. Но он увидел достаточно. Овал лица, тени глаз, провал рта. Все было искажено, все выглядело не так, как должно. Это было не лицо. Это была маска.

Маска смерти.

Он судорожно перебирал конверты. Его движения становились все более резкими, рваными. Он хватал пленки, смотрел на свет и бросал их обратно. И его внезапно осенила жуткая догадка. Все они. Все эти люди, которых он снял за последние год-два. Он начал искать их среди сотен других, безликих. И он находил. Он узнавал их по странной, общей печати, которую раньше списывал на неудачный свет. Их лица на негативах были другими. Они были старше, изможденнее. Они были мертвее.

Он нашел парня, который приходил сегодня. Тот улыбался на паспорт, что было грубым нарушением правил. Но Андрей Ильич, видимо, сделал ему поблажку. Улыбка на негативе выглядела оскалом черепа. Но самое страшное было не это. Андрей Ильич вдруг понял, что должен проверить самую первую догадку, которая, как только он ее осознал, парализовала его волю. Он начал судорожно искать снимки десятилетней давности. Пятнадцатилетней. Двадцати. Он хватал коробки, вываливал их содержимое на пол, вставлял на колени среди этого бумажного моря и смотрел, смотрел, смотрел.

Истина, открывшаяся ему, была проста и чудовищна. На всех снимках, сделанных им в этих стенах, люди выглядели не так, как в день съемки. Они выглядели так, как будут выглядеть в момент своей смерти.

Он вспомнил старую клиентку, которую фотографировал

лет пятнадцать назад для пенсионного удостоверения. Бодрая, розовощекая старушка. На негативе с того дня было лицо, обтянутое кожей, как пергаментом. Глаза, глубоко запавшие в глазницы. Лицо, которое он видел на похоронах собственной матери. А вот мужчина средних лет, сделавший снимки на визу. Он погиб в автокатастрофе через неделю после съемки — Андрей Ильич случайно узнал об этом от его безутешной вдовы, приходившей за дополнительными копиями снимка «на памятник». Тогда он не придавал этому значения. Но сейчас он смотрел на негатив и видел лицо, обезображенное страшной травмой. Эмульсия каким-то непостижимым образом запечатлела то, чего еще не случилось.

Он схватил конверт со своей собственной фотографией. Он делал ее пару лет назад, для какого-то удостоверения, чисто из служебного рвения. Руки его тряслись, как у алкоголика в запое. Он боялся смотреть. Но не смотреть не мог. Воровато оглянувшись, словно за ним кто-то наблюдал из темных углов кладовой, он вынул полоску пленки и, зажмурившись, поднес к лампочке. Он медленно открыл глаза.

И закричал.

С негатива на него смотрело существо, в котором он с трудом узнал самого себя. Лет на двадцать старше, чем сейчас. Абсолютно седой, лысый, с отвисшей, морщинистой кожей. Но ужас был не в возрасте. Ужас был в глазах. Даже на негативе, где белки глаз становятся черными, было видно выражение беспредельного, застывшего навеки ужаса. Это был

взгляд человека, который увидел нечто абсолютно невыносимое. Человека, который умер от страха.

Андрей Ильич выронил пленку. Она упала в пыль, свернувшись в кольцо, словно раздавленная змея. Он попятился, споткнулся о коробку и рухнул на спину, прямо в кучу старых фотографий. Пыль взметнулась в воздух, закружившись в тусклом свете лампочки. Он смотрел на эту пыль, на эти сотни лиц, что смотрели на него с пола, и его мозг отказывался принимать реальность. Его камера снимала не лица. Она снимала маски, которые этим лицам еще только предстояло надеть. Маски смерти.

Сколько он так пролежал, он не знал. Может, минуту. Может, час. Время потеряло всякий смысл. В голове билась одна-единственная мысль, первобытная и липкая: «Бежать. Уничтожить. Забыть». Он с трудом поднялся на ноги, опираясь на стеллаж. Мир вокруг качался. Взгляд его упал на негативы, разбросанные по полу. Десятки, сотни мертвых, изможденных лиц. Нет, не мертвых. Умиравших. Застывших в момент своего последнего перехода. И в центре этого ада был он. Он, Андрей Ильич Светлов, фотограф, который всю жизнь считал себя простым ремесленником. Его камера, его старый добрый «Фотокор», была не просто устройством. Она была вратами. Или проклятием. Он еще не знал.

Он вышел из кладовой, шатаясь, как пьяный. В кабинете горел забытый им верхний свет — холодный, безжалостный дневной свет. Он подошел к камере. Массивная, темная, она

стояла на треноге, словно немой идол. Объектив смотрел на него пустым, черным зрачком. Андрею Ильичу вдруг показалось, что он смотрит в дуло орудия, которое только что осознало свою смертоносную силу. Он протянул руку, коснулся холодного металла оправы. Камера была просто вещью. Глупой, бездушной вещью из дерева и стекла. Но она изменила все.

Он резко развернулся и подошел к столу. Нужно было успокоиться. Нужно было найти рациональное объяснение. Массовая галлюцинация? Дефект эмульсии? Газы из подвала, вызывающие помутнение рассудка? Он цеплялся за эти объяснения, как утопающий за соломинку. Он выдвинул ящик стола, чтобы достать паспорт и проверить, не выглядит ли его собственное фото на документе как снимок покойника. И тут взгляд его упал на старую визитницу, стоявшую на краю стола. Она была из темной кожи, истрепанная по углам. Он открыл ее машинально.

Там лежали его старые работы. Не паспортные снимки. Нет. То, что он делал для души. Портреты. Пейзажи. И одна фотография, которую он вынул из визитницы холодными, негнушимися пальцами.

Это был старый, пожелтевший от времени снимок. Групповой портрет. Его мать, отец и он сам, еще мальчишка с глупой улыбкой, стоят на фоне дачной веранды. Фотографировал сосед старой «Сменой». Это был его первый опыт, его первая любовь к светописю. Он смотрел на лица родителей.

Мать, улыбающаяся, с лучиками морщинок у глаз. Отец, серьезный, но с мягкой, едва заметной улыбкой в уголках губ. Они были такие живые, такие настоящие. Но он, наученный горьким опытом последнего часа, смотрел глубже. Он смотрел на тени, на контраст, на структуру изображения. И холод, пробравший его до костей, стал абсолютным. Он понял, что даже тогда, в детстве, на его первом, любительском, чужом снимке, на лицах его родителей лежала та же неумолимая печать. Печать их будущей смерти. Он просто не умел ее читать. Он не умел ее видеть. А теперь научился.

Он поднял глаза от снимка. Стены ателье давили на него. Тишина стала невыносимой. В этой тишине он услышал новый звук. Тихий, сухой, ритмичный звук.словно где-то работал старый проектор. Или словно кто-то перебирал пальцами по столу. Он резко обернулся к камере. Затвор. Затвор объектива жил своей жизнью. Он открывался и закрывался, щелкая вхолостую, без команд, без нажатия на спуск. Линза мигала, словно глаз какого-то чудовищного циклопа, пробудившегося от долгой спячки. Камера смотрела на него. Она хотела сделать новый снимок.

Андрей Ильич попятился к двери. Ему нужно было выбраться отсюда, на воздух, к живым людям. Но не успел он взяться за ручку, как в мертвой, абсолютной тишине ателье раздался телефонный звонок. Старый, дисковый аппарат на стойке ресепшена заливался требовательной, надрывной трелью. Этот звук, ввинчиваясь в мозг, почему-то казался

самым страшным из всего, что случилось с ним за этот вечер. Он понял, что не хочет брать трубку. Он знал, что тот, кто звонит, не скажет ничего хорошего. Но телефон звонил, не переставая, словно был подключен к какому-то вечному источнику тревоги, и его трель заполняла собой все пространство, вытесняя остатки разума и воли.

Андрей Ильич, словно загипнотизированный, сделал шаг к аппарату. Его рука повисла над дрожащей от звонков трубкой. Он смотрел на нее, как на ядовитую змею. Тишина и резкие звонки чередовались, создавая ритм, похожий на биевание сердца. И в одном из промежутков между звонками он услышал звук, который заставил кровь застыть в его жилах. Сквозь трели телефона, сквозь шум дождя за окном, прорвался другой звук. Тихий, печальный, но отчетливый. Плач. Женский плач, доносившийся из проявочной.

Он медленно повернул голову. Дверь в лабораторию, которую он, как ему казалось, плотно закрыл, теперь была приоткрыта. Из щели струился слабый, пульсирующий красный свет. И оттуда, из этого багрового сумрака, смешанного с запахом закрепителя, несся тихий, горький, безутешный женский плач.

Глава 2. Красная комната

Красный свет сочился из щели приоткрытой двери, словно кровь из свежей раны. Он пульсировал в такт тихому, надрывному плачу, который доносился из проявочной, и в этом ритме было что-то глубоко противоестественное, что-то заставлявшее внутренности сжиматься в ледяной комок. Телефон на стойке ресепшена продолжал надрываться, его трель ввинчивалась в мозг, сплетаясь с женскими рыданиями в жуткую, какофоническую симфонию безумия.

Андрей Ильич стоял, словно парализованный, между двумя источниками звука. Его рука, так и не опустившаяся на телефонную трубку, дрожала в воздухе. Холодный пот капал по вискам, заливая глаза. Он хотел закричать, но голос пропал. Он хотел бежать, но ноги словно приросли к истертому линолеуму. Плач из проявочной становился все громче, все отчетливее. Это был не просто бессвязный вой отчаяния. В этом плаче слышались слова. Обрывки фраз. Мольбы.

— Зачем... зачем вы это сделали... — шелестел женский голос, прерываемый судорожными всхлипами. — Вы заставили меня увидеть... забрали надежду...

Андрей Ильич узнал этот голос. Вернее, не узнал, а почувствовал какую-то глубинную, тошнотворную связь с ним. Так бывает, когда слышишь во сне голос давно умершего родственника — вроде бы чужой, но в то же время до боли

знакомый. Это была женщина со сломанной судьбой. Женщина с разбитого негатива.

— Кто здесь? — прохрипел он, с огромным трудом разлепив пересохшие губы. — Кто здесь?!

Плач на мгновение стих. Воцарилась гулкая, ватная тишина. Даже телефон, словно испугавшись, замолчал на полувзвонке. И в этой внезапной тишине, которая была страшнее любого шума, раздался тихий, шаркающий шаг из-за двери проясочной. Кто-то — или что-то — медленно приближался к выходу из красного сумрака. Андрей Ильич отступил на шаг, выставив перед собой руки, словно этот жалкий жест мог защитить его от надвигающегося ужаса. Дверь в лабораторию медленно, со скрипом, отворилась шире. Поток багрового света хлынул в кабинет, заливая все вокруг адским заревом. На пороге, колыхаясь, словно мираж над раскаленным асфальтом, возникла фигура.

Это была та самая женщина, Звонарева. Но в каком виде! От ее былой властности и монументальности не осталось и следа. Она стояла, сгорбившись, кутаясь в грязный, изорванный плащ, которого на ней не было при жизни. Ее лицо, искаженное страданием, было именно таким, каким он увидел его на матовом стекле: пергаментная кожа, обтягивающая выступающие скулы, провалы глаз, в которых не было глазных яблок — лишь две бездонные черные ямы, наполненные багровыми отблесками фонаря. Ее рот был открыт, и оттуда, из темноты, доносился запах сырой земли

и увядших цветов.

— Зачем вы разбили его? — прошелестела она, качнувшись вперед. Движения ее были замедленными, плывущими, как у глубоководного существа. — Это было мое предупреждение. Мой единственный шанс. Вы отняли его у меня. Вы отняли у меня год жизни. Теперь я не знаю, когда... я не могу подготовиться...

— Я не... я не хотел... — залепетал Андрей Ильич, пятясь к столу. Ноги его подкашивались. — Это случайность! Пластина выскользнула...

— Случайность? — призрачная женщина издала звук, отдаленно напоминающий смех, похожий на шорох сухих листьев под ногами. — Разве вы не поняли? Там, в свете вашей камеры, нет ничего случайного. Она видит правду. Она показывает конец. Вы думали, что дарите людям бессмертие на квадратике глянцевой бумаги? О нет. Вы дарите им знание. Ужасное, невыносимое знание. Я увидела свое лицо. Лицо, которое будет лежать в гробу. И я поняла, что не могу жить с этим. Я хотела разбить негатив сама, но вы опередили меня. И теперь я обречена. Мы все обречены смотреть на вас и ждать.

Она протянула к нему свою руку. Это была не рука, а костлявая, обтянутая полупрозрачной кожей лапа с длинными, посиневшими ногтями. От нее веяло могильным холодом, который парализовал волю. Андрей Ильич уперся спиной в край стола. Бежать было некуда. Он зажмурился, ожидая

прикосновения ледяных пальцев, но ничего не произошло. Он открыл глаза. Перед ним никого не было. Дверь в провочную была плотно закрыта. Телефон на стойке ресепшена молчал. В кабинете царил обычный, желтоватый свет от лампы под потолком. Никакого багрового зарева. Никакого запаха могилы. Только все тот же до тошноты знакомый химический дух проявителя и закрепителя, казавшийся теперь зловещим дыханием склепа.

Андрей Ильич медленно сполз по столу на пол. Ноги не держали его. Сердце колотилось где-то в горле, грозя пробить кадык. Галлюцинация? Сон? Помутнение рассудка от стресса и недосыпа? Все эти слова казались пустыми и беспомощными перед той реальностью, которую он только что пережил. Он чувствовал, что это не было сном. Это было видение. Послание. Проклятие.

Он поднял руку и посмотрел на нее. Пальцы все еще дрожали. Он прижал ладонь к лицу и ощутил ледяной холод. Холод, который не уходил, сколько он ни тер щеку. Словно призрак Звонаревой оставил на нем свою незримую печать. С огромным трудом он заставил себя подняться. Комната качалась. Камера на треноге по-прежнему смотрела на него своим черным, глубоким зрачком. Она была спокойна и безучастна. Обычный деревянный ящик с мехами. Никакого мигания затвора. Никакой потусторонней активности. Но сейчас, глядя на нее, Андрей Ильич испытывал не страх, а какое-то извращенное, болезненное любопытство, грани-

чащее с ужасом. Что же он создал? Или что он пробудил к жизни, сам того не ведая, за тридцать лет стояния за этим объективом?

Он медленно подошел к камере. Его «Фотокор-Н». Он помнил день, когда купил ее. Это было в начале девяностых, на развале у ДК имени Ленсовета. Голодное, смутное время, когда старые вещи продавали за бесценок, лишь бы купить еды. Фотокамера лежала на грязном брезенте среди самоваров, фарфоровых статуэток и стопок пожелтевших книг. Продавал ее сморщенный старик с бельмом на глазу, похожий на высохшую мумию. Он запросил за нее совершенно несуразную сумму, но когда Андрей, тогда еще просто молодой фотограф-энтузиаст, собрался уходить, старик вцепился в его рукав костлявой, холодной рукой.

— Возьми, — прошамкал он, сверля Андрея единственным зрячим глазом. — Она тебя ждала. Я уж думал, не доживу. Она не каждому дается. Ты ее почувствовал, я вижу. Стекло в ней особенное. Секретное стекло. Из самого сердца горы, где тьма смыкается с огнем. Оно правду видит. Наквозь.

Тогда, по молодости, Андрей не придавал значения этим словам. Он списал их на старческий маразм. Он просто купил камеру, потому что почувствовал невероятную, почти мистическую тягу к этой почерневшей от времени деревянной конструкции. У него самого тогда была старенькая «Смена-8М», и «Фотокор» казался ему венцом творе-

ния, артефактом из иной, более величественной эпохи. Он отдал за него почти все свои сбережения и ни разу об этом не пожалел. Камера работала безупречно. Она не ломалась, не заедала, давала изумительную, почти живую резкость, какой он не видел ни в одном современном аппарате. Он привык к ней, сроднился с ней. Она стала продолжением его глаз и рук.

Но сейчас слова старого продавца зазвучали по-новому. «Из самого сердца горы, где тьма смыкается с огнем». Что это была за гора? Какая тьма? Андрей Ильич осторожно, как к спящей змее, протянул руку и коснулся объектива. Холодное стекло. Обычное холодное стекло. Он посмотрел в линзу. В глубине ее что-то едва заметно мерцало, словно отблеск далекого пожара. Или ему это только казалось?

Резкий, пронзительный звонок телефона разорвал тишину, заставив его вздрогнуть и отшатнуться. Сердце снова пустилось вскачь. Наваждение возвращалось. Но это был не внутренний, а самый что ни на есть реальный телефон. Аппарат на стойке ресепшена заливался своей старомодной трелью, и на этот раз он не собирался замолкать. Андрей Ильич смотрел на него с ужасом. Кто может звонить в одиннадцатом часу ночи в фотоателье? Кому могло прийти в голову, что здесь кто-то есть?

Звонок прекратился. На мгновение воцарилась тишина. А потом телефон зазвонил снова. И в этом звонке была какая-то неестественная настойчивость, злое требование. Зво-

нивший не просто ждал ответа. Он требовал, чтобы трубку сняли. Он знал, что фотограф здесь. Андрей Ильич, словно во сне, прошел через весь кабинет. Половицы предательски скрипели под его шагами. Каждый шаг отдавался в голове гулким эхом. Он остановился перед стойкой, глядя на вибрирующий от звонков аппарат. Звонки сливались в одну сплошную, режущую слух ноту. Он медленно, словно преодолевая сопротивление воды, протянул руку, снял трубку и поднес ее к уху. Рука была ледяной и чужой.

В трубке было молчание. Но не пустое молчание оборванной линии. Это было густое, насыщенное молчание, наполненное чьим-то незримым присутствием. Андрей Ильич слышал дыхание на том конце провода. Медленное, глубокое, какое-то клокочущее дыхание, словно звонивший страдал тяжелой формой астмы. Или словно он дышал через воду.

— Алло, — еле слышно выдавил из себя Андрей Ильич.

В ответ ему было все то же дыхание, а потом тихий, неразборчивый шепот. Словно множество голосов сплелись в один, пытаясь что-то сказать, но не могли пробиться сквозь помехи. Андрей Ильич напряг слух, и до него начали доноситься отдельные фразы, произносимые на разные голоса, с разной интонацией, перебивающие друг друга.

— ...видел... на снимке... не может быть... — шептал один.

— ...год ждал... зачем вы это сделали... — вторил другой, женский.

— ...я боюсь спать... она мне снится... та фотография...

— ...верните старый... я заплачу... сколько скажете...

Голоса наслаивались друг на друга, создавая невыносимую какофонию. Это был хор его бывших клиентов. Тех, кто, как тот взъерошенный парень, обнаружил на своих снимках печать близкой смерти. Андрей Ильич слушал, и волосы на его голове шевелились. Он узнавал эти голоса, хотя не мог вспомнить имен. Они все были здесь, в этой трубке, слитые в единый вопль отчаяния. Но вдруг все голоса разом стихли. В трубке снова воцарилось молчание, а затем раздался единственный голос — старческий, дребезжащий, но полный такой силы и злобы, что Андрей Ильич похолодел. Он сразу узнал его. Такой голос не забывается.

— Ты все еще не понял, глупец? — прошамкал голос старого продавца с бельмом на глазу. — Ты не просто снимаешь лица. Ты забираешь время. Ты вытягиваешь его через глаз стеклянного демона. Каждый снимок — это краденый год. Краденая жизнь. Те, кто сняты ему, умрут на десять лет раньше. А ты... ты живешь за их счет.

— Кто вы?! — закричал Андрей Ильич в трубку, сжимая ее так, что пластмасса затрещала. — Откуда вы знаете?!

— Я тот, кто выпустил джинна из бутылки, — прошелестел голос, и в нем послышалась горькая усмешка. — Я думал, что ты чист сердцем и не пробудишь его. Я ошибся. Ты накормил его тысячами душ, сам того не зная. Теперь он проснулся. Он голоден. И он хочет твоей души, фотограф. А

когда он ее получит, его уже никто не остановит.

В трубке раздался резкий, пронзительный визг, похожий на сигнал помех, и связь оборвалась. Остались лишь короткие, частые гудки. Андрей Ильич стоял, прижимая трубку к уху, и слушал эти гудки, которые казались ему погребальным звоном. Слова старика жгли мозг. «Ты забираешь время. Ты вытягиваешь его через глаз стеклянного демона». Выходит, он не просто предсказывал смерть. Он был ее причиной. Убийцей. Палачом, который даже не знал о своем ремесле. Вся его жизнь, весь его скромный, размеренный быт, его любовь к фотографии — все это было лишь ширмой для чудовищной, потусторонней жатвы.

Он швырнул трубку на рычаг. Ему нужно было выбирать — отсюда. Немедленно. Этот подвал, этот запах, эта камера — все это душило его. Он должен был увидеть небо, вдохнуть свежий воздух, услышать шум машин, голоса живых людей. Он схватил плащ и, не выключая свет, не запирая внутреннюю дверь, бросился к выходу. Лестница в четыре ступеньки. Тамбур. Тяжелая входная дверь. Он навалился на нее плечом, и через мгновение ночная сырость и холод окатили его с ног до головы.

Он стоял в темной арке, хватая ртом воздух. Дождь, моросивший весь день, прекратился, но асфальт блестел в свете редких фонарей. Переулок Гривцова был пуст и тих. Лишь одинокий силуэт маячил на углу Садовой, да где-то вдалеке шумела припозднившаяся машина. Андрей Ильич присло-

нился к холодной, влажной кирпичной стене, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Здесь, на улице, ночные кошмары казались немного более далекими, чуть менее реальными. Но он знал, что это иллюзия. Достаточно вернуться в ателье — и камера снова уставится на него своим мертвым зраком.

Как он мог не замечать этого раньше? Тридцать лет! Тридцать лет он смотрел в этот объектив, наводил на резкость, нажимал на спуск. Сколько лиц прошло перед ним? Десятки тысяч? Сотни? Он вспомнил старые советские времена, когда к нему выстраивались очереди за фотографиями на паспорт нового образца. Вспомнил девяностые, когда все повально делали визы, убегая из разваливающейся страны. Вспомнил нулевые — бумажный бум, новые паспорта, новые лица. Он фотографировал детей для загранпаспортов, стариков для пенсионных удостоверений, военных для удостоверений личности. Он снимал всех. И что же получалось? Получалось, что все они, сами того не зная, отдавали ему годы своей жизни?

Он посмотрел на свои руки. Руки пятидесятипятилетнего мужчины. Морщинистые, с проступающими венами и пигментными пятнами. Руки, которые держали эту проклятую камеру. Он подумал о своем здоровье. Он ведь почти не болел. Сердце, как часы. Давление в норме, зрение — единица, несмотря на постоянную работу в красном свете. Все его сверстники уже обзавелись букетами хронических болячек,

а он был здоров, как молодой бык. Он всегда списывал это на хорошую наследственность. Но что, если дело не в наследственности? Что, если это ворованная жизнь, разлитая по его венам, поддерживала в нем огонь?

Его затошнило. Он согнулся пополам, и его вырвало прямо на мокрый асфальт. Желудок был пуст, поэтому из него выходила лишь горькая желчь, обжигавшая горло. От этой мысли — что он питается чужими годами, как вампир — его разум отказывался работать. Это было слишком чудовищно. Слишком неправильно. Но факты были налицо. Фотографии не врали. Телефонный звонок не был сном. И призрак Звонаревой не был просто галлюцинацией.

Отдышавшись и вытерев рот тыльной стороной ладони, он выпрямился. Надо идти домой. Дома, в четырех стенах, может быть, удастся собраться с мыслями, принять какое-то решение. Он уже сделал шаг в сторону Садовой, как вдруг заметил, что в окне его полуподвала, в той самой бойнице под потолком, мелькнула тень. Андрей Ильич замер. Он же только что вышел оттуда. Он оставил дверь открытой. Может, сквозняк? Но тень двигалась слишком целенаправленно. Кто-то был в его ателье.

Страх боролся с любопытством. Возвращаться было безумием. Но там, в лаборатории, был его архив. Его негативы. Его жизнь. И, что еще хуже, там была камера. Если в ателье проник вор, он мог украсть ее. И тогда... что тогда? Старик-продавец сказал, что «стеклянного демона» нельзя оста-

новить, если его выпустить. Может, лучше, если ее украдут? Пусть другие разбираются с этим проклятьем? Эта мысль мелькнула и исчезла. Нет. Он не мог переложить эту ношу на чужие плечи. Это была его вина и его ответственность.

Он на негнущихся ногах снова спустился по выщербленным ступенькам. Дверь в ателье действительно была приоткрыта. Изнутри падала полоска тусклого желтого света. Андрей Ильич толкнул дверь и вошел внутрь. В кабинете никого не было. Все вещи лежали на своих местах. Камера мирно стояла на треноге. Но его взгляд сразу же упал на провочную. Дверь в нее была распахнута настежь, и оттуда снова лился красный свет. Только теперь он был не тусклым и пульсирующим, а ярким и ровным. И в этом свете кто-то двигался.

Андрей Ильич, стараясь ступать как можно тише, подошел к косяку и заглянул внутрь. Он ожидал увидеть что угодно — нового призрака, грабителя, оживший манекен. Но увиденное поразило его до глубины души. За столом, где стояли кюветы с реактивами, спиной к нему стояла его жена. Анна.

Он не мог обознаться. Этот силуэт, эта чуть сутулая спина, этот пучок русых волос на затылке. Анна. Но этого не могло быть. Анна умерла семь лет назад. Он похоронил ее на Смоленском кладбище, в сырой ноябрьской земле. Рак. Жесточая, скоротечная болезнь, которая сожрала ее за полгода, превратив из цветущей женщины в бледную тень, а затем и в

горстку пепла. Андрей Ильич стоял ни жив ни мертв, глядя на призрак жены. Она перебирала какие-то снимки, плавающие в кювете с проявителем.

— Аня? — еле слышно позвал он.

Женщина медленно обернулась. Это была она. Анна. Такая, какой он запомнил ее в лучшие годы. Нежная, с мягкой улыбкой, с ясными серыми глазами. На ней было ее любимое платье в мелкий цветочек. Она смотрела на него с бесконечной грустью и любовью. В красном свете фонаря ее лицо казалось ожившим дагерротипом.

— Андрюша, — произнесла она тихим, таким знакомым, родным голосом. — Зачем ты открыл его?

— Что? — он не понимал. Слезы застилали ему глаза. Он хотел броситься к ней, обнять, но ноги не слушались. Страх перед призраком боролся с чудовищной тоской по умершей любви.

— Темную камеру, — сказала она, и ее взгляд переместился на большую камеру в кабинете. — Ты смотрел слишком глубоко. Ты хотел видеть правду. И он дал тебе эту способность. Но ты не готов к такой правде. Никто не готов.

— Я не хотел, Аня! — взмолился он. — Я ничего не знал! Что мне делать? Как это остановить?!

— Остановить? — она грустно покачала головой. — Его не остановить. Его можно только накормить. Или обмануть.

— Как обмануть? — он сделал шаг вперед, но она подняла руку, останавливая его.

— Не подходит. Я ненастоящая. Я лишь память, запечатленная в этих стенах. В этих химикатах, в этом стекле. Ты думаешь, почему ты остался здесь после моей смерти? Ты искал утешения в работе, но нашел лишь холод стекла. А стекло все помнит. Оно впитало мои слезы, когда ты снимал меня в последний раз.

Андрей Ильич вспомнил тот день. За месяц до ее смерти. Она уже почти не вставала, но для какого-то документа потребовалась свежая фотография. И он снял ее здесь. Посадил на этот самый стул перед белым экраном, включил свет. Она была так слаба, что едва держала голову. Но он, глупец, думал только о резкости. «Смотри в объектив, Аня. Не шевелись. Сейчас вылетит птичка». Она смотрела. Смотрела своими огромными, запавшими глазами в черный зрачок камеры. И камера увидела ее смерть. Но он, дурак, не захотел этого замечать. Он сделал снимок, проявил, отдал. А через две недели она слегла окончательно.

— Прости меня, — прошептал он. Слезы текли по его щекам, соленые и горячие. — Прости, что не спас тебя.

— Ты не мог меня спасти, — призрак улыбнулся печально. — Но ты можешь спасти себя. И других. Ты должен вернуть долг. Он взял жизни. Ты должен отдать свою, чтобы разорвать круг. Или... — она замялась.

— Или что? Говори!

— Или отдай ему другую жизнь. Самую яркую. Самую долгую. Жизнь, в которой нет страха смерти. Только так он

насытится и уснет еще на сто лет. Найди того, кто не боится. И приведи его сюда. Пусть он посмотрит в объектив.

— Как я это сделаю? Я не могу... я не убийца!

— Ты уже убийца, Андрюша, — прошептала она, и ее лицо на мгновение исказилось гримасой боли. — Ты убивал их всех. Каждый день. Каждым щелчком затвора. Но ты не знал. Теперь ты знаешь. И если ты ничего не сделаешь, он высосет тебя самого. И тогда остановить его будет некому.

Она начала таять. Красный свет стал меркнуть, погружая комнату в темноту. Контурсы ее фигуры растворялись, словно сахар в воде. Андрей Ильич бросился вперед, но схватил лишь пустоту.

— Аня! Аня, не уходи! — закричал он, хватая руками воздух. — Побудь со мной еще немного! Мне страшно!

— Мне тоже было страшно, — донесся до него ее затихающий голос. — Когда ты снимал меня... я видела темноту. Я знала, что умру. И я умерла дважды. Сначала там, перед объективом, а потом уже на больничной койке. Не заставляй других переживать этот ужас. Останови это. Останови его. Прощай...

Свет погас окончательно. Андрей Ильич остался стоять в полной, абсолютной темноте проясочной. Только запах уксуса и эфира напоминал о том, что он не спит. Он стоял, обхватив себя руками, и рыдал. Рыдал в голос, как в детстве, когда его впервые обидели во дворе. Он оплакивал Аню, которую потерял второй раз. Он оплакивал всех тех людей, чьи

жизни он невольно украл. И он оплакивал себя — проклятого, запятнанного человека, который не знал, как жить дальше.

Сколько прошло времени, прежде чем он смог взять себя в руки, он не знал. Ноги затекли, в голове шумело. Он вытер слезы рукавом плаща и, шатаясь, вышел из проявочной. В кабинете все еще горел свет. Камера стояла на своем месте. Белый экран. Стул. Все было обыденно и от этого еще более ужасно.

Он подошел к камере. Теперь он знал ее имя. «Стеклянный демон». Или «Темная камера». Так называли ее древние мастера, колдовавшие с дагерротипами. Им приписывали способность похищать души. Дикари боялись объектива, считая, что фотография забирает часть человека. Они были правы. Их примитивные страхи имели под собой реальную, чудовищную основу. Они просто забыли об этом, а он, Андрей Ильич Светлов, воскресил древнее зло в своей уютной, пропахшей химией лаборатории.

Он больше не мог оставаться здесь ни минуты. Не сегодня. Он должен был пойти домой, заснуть, хотя бы на несколько часов забыться. А завтра... завтра он начнет искать выход. Он должен был узнать больше о старике-продавце. Он должен был изучить историю камеры. Он должен был понять, как обмануть демона. Слова Анны жгли его сердце. «Найди того, кто не боится смерти. И приведи его сюда». Это был путь убийцы. Он не мог на него ступить. Но другого выхода

она не предложила.

Он вышел из ателье, на этот раз тщательно заперев за собой дверь. На замок, на ключ, словно это могло удержать внутри поселившееся там зло. Улица встретила его промозглой тишиной. Город спал. Андрей Ильич побрел к метро. Ему нужно было на Петроградскую сторону, где в старом доме на Большой Пушкарской у него была крошечная двухкомнатная квартира, доставшаяся от родителей. Обычно он ездил на трамвае, но сейчас ему хотелось идти пешком. Движение немного успокаивало расшатанные нервы.

Он шел по пустынной Садовой, мимо темных витрин, мимо закрытых ларьков, мимо редких прохожих, спешащих домой. Каждый встречный казался ему потенциальной жертвой. Каждое лицо, выхваченное из темноты светом фонаря, он невольно сканировал своим новым, проклятым зрением. Вот идет молодой человек в наушниках. Его лицо безмятежно, но в резкой тени под скулами Андрею Ильичу мерещился оскал черепа. Вот старушка с собачкой. В ее сгорбленной фигуре ему виделся будущий покойник. Он отворачивался, зажмурился, но видения не отпускали. Проклятый дар, проснувшийся в нем, теперь работал без камеры. Он начал видеть смерть повсюду.

На Невском он ненадолго задержался у витрины большого фотосалона. Яркий свет, глянцевые снимки, счастливые лица моделей. Цифровой мир. Мир без души. Он впервые за много лет подумал, что, возможно, люди, перешедшие на

цифру, интуитивно спасались от древнего зла. Матрица не умеет красть души. Это может только стекло. Особое, заговоренное стекло, покрытое эмульсией из серебра и тьмы. Он покачал головой и пошел дальше.

Дома его встретила гулкая тишина. В квартире пахло пылью и одиночеством. После смерти Анны он так и не смог ничего изменить. Ее тапочки все еще стояли в прихожей, ее халат висел на крючке в ванной. Портрет ее, сделанный им за год до болезни, стоял на комод в спальне. Он всегда смотрел на него с нежностью. Теперь же взгляд, брошенный на портрет, заставил его содрогнуться. Он увидел то, чего не замечал раньше. Тень. Тонкую, почти незаметную тень у виска. Пятно на эмульсии. Предвестник. Он уже тогда убивал ее. Медленно, год за годом, щелчок за щелчком вытягивал из нее жизнь.

Андрей Ильич упал на колени перед комодом, схватил портрет и прижал его к груди.

— Прости, — шептал он, раскачиваясь из стороны в сторону. — Прости меня, родная. Я не знал. Я дурак. Я слепец.

Он проплакал еще час, сидя на полу, пока силы не оставили его окончательно. Потом, не раздеваясь, он рухнул на кровать и провалился в тяжелое, свинцовое забытье без сновидений. Ему ничего не снилось. Только черная, глубокая пустота, в которой не было ни надежды, ни искупления.

Проснулся он поздним утром от настойчивого звонка в дверь. Солнце, тусклое и бледное, едва пробивалось сквозь

грязные занавески. Голова гудела, во рту был мерзкий привкус химикатов. Звонок не умолкал. Кто-то давил на кнопку с пугающей методичностью. Андрей Ильич с трудом поднялся, посмотрел на себя в зеркало. Из мутной амальгамы на него глядел старик. За одну ночь его волосы, кажется, поседели еще больше, а морщины стали резче и глубже. Он выглядел на все свои годы и даже больше.

Он прошлепал в прихожую, не спрашивая, открыл дверь. На пороге стоял тот самый взъерошенный парень, что приходил вчера в ателье. Только выглядел он еще хуже. Глаза его ввалились, на щеках горел нездоровый румянец, а руки, которые он держал в карманах куртки, заметно дрожали.

— Вы! — выдохнул он, врываясь в квартиру, не дожидаясь приглашения. — Я знал, что найду вас здесь! Вы должны мне помочь!

— Послушайте, молодой человек... — начал было Андрей Ильич, пытаясь его урезонить, но парень не слушал.

— Меня зовут Кирилл, — затараторил он, бегая глазами по стенам прихожей. — И я не уйду, пока вы мне все не объясните. Что это за хрень творится с вашими снимками? Я всю ночь не спал, изучал эту проклятую фотографию. Она меняется! Клянусь вам, она меняется каждую минуту! Сейчас я посмотрел на нее перед выходом — у меня появилась новая морщина на лбу! Вот здесь! — он ткнул пальцем в лоб, где действительно пролегла глубокая поперечная складка, которой вчера Андрей Ильич не заметил.

— Я ничего не знаю, — соврал фотограф, отступая в комнату. — Это какой-то брак...

— Бросьте! — Кирилл махнул рукой, и его лицо исказилось гримасой гнева и отчаяния. — Я вчера весь вечер просидел в библиотеке. Я поднял архивы газет, порылся в интернете... простите, в сети. Я нашел кое-что о вашем ателье. «Ателье «Момент». Знаете, сколько человек, которые делали у вас фотографии, умерли неестественной смертью в последние тридцать лет? Я насчитал восемнадцать за последние пять лет! Восемнадцать!

Андрей Ильич побледнел. Цифра резанула его ножом по сердцу.

— Это совпадение, — прошептал он. — В большом городе люди умирают каждый день.

— Да? А то, что все они умерли ровно в том возрасте, в каком выглядели на ваших снимках? — Кирилл сунул ему под нос потрепанный блокнот, исписанный нервным почерком. — Вот, смотрите! Ксения Звонарева, снимок сделан год назад. На фото ей около семидесяти. Вчера она попала в больницу с обширным инфарктом. Врачи говорят, у нее организм восьмидесятилетней старухи! А ей пятьдесят пять! Понимаете?! Пять-де-сят пять! Она умирает от старости за год! И я умираю! Я чувствую это каждой клеткой! Каждое утро я просыпаюсь на день старше!

Кирилл схватил Андрея Ильича за грудки и затряс. Он был легким, как щепка, но его отчаяние придавало ему сил.

— Что вы за тварь такая?! — кричал он, брызжа слюной.
— Вы колдун? Вы вампир? Вы должны снять это проклятие!
Верните мне мою жизнь! Верните мне мою чертову жизнь!

— Я не могу, — глухо ответил Андрей Ильич, не пытаясь вырваться. — Я сам пытаюсь понять, как это остановить.

Кирилл замер. Его руки разжались. Он смотрел на фотографа с надеждой, смешанной с недоверием.

— Значит, вы признаете это? — спросил он дрожащим голосом. — Это правда? Это не случайность?

— Да, — Андрей Ильич тяжело опустился на стул. — Это правда. Камера, мой старый «Фотокор», она... она какая-то аномальная. Она не просто снимает. Она фиксирует момент смерти. И, судя по всему, ускоряет его. Я узнал об этом только вчера. Как и вы. Я не знал, что убиваю вас.

— Убиваете... — эхом повторил Кирилл. Он тоже сел, прямо на пол, обхватив голову руками. — Значит, меня убьет не просто старость. Меня убиваете вы. Конкретно вы. И эта штука в вашем подвале.

В комнате повисла тяжелая, давящая тишина. Двое мужчин, жертва и палач, сидели друг напротив друга, объединенные общим проклятием. Андрей Ильич первым нарушил молчание.

— Послушай, Кирилл, — сказал он тихо. — Ты сказал, что нашел информацию в сети? Про ателье? Ты можешь мне показать? Мне нужно знать все. Кто был до меня, откуда взялась камера. Возможно, в этом ключ к спасению.

Кирилл поднял на него воспаленные глаза. В них читалась глубокая, неизбывная мука, но в самой глубине, словно уголек под слоем пепла, теплилась искра надежды. Он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я покажу. У меня дома компьютер. Но если вы врете... если вы все знали и просто играете со мной... я убью вас. Мне терять нечего.

— Я не вру, — твердо сказал Андрей Ильич. — Я тоже хочу жить. И я хочу остановить это. Даже ценой собственной жизни. Пойдем.

Они вышли из квартиры, и Андрей Ильич захлопнул за собой дверь, оставив за спиной портрет умершей жены и уютный мирок, который рухнул за одну ночь. Впереди была неизвестность, но теперь, когда рядом был кто-то живой, кто разделял его проклятие, дышать стало немного легче. Страх отступил, уступив место холодной, стальной решимости. Демон проснулся. Пора было объявлять ему войну.

Глава 3. Архив ужаса

Квартира Кирилла располагалась в одном из новых, безликих жилых комплексов на окраине Васильевского острова. Двадцать четвертый этаж, стекло и бетон, полное отсутствие индивидуальности. Съёмная берлога, обставленная дешёвой мебелью из супермаркета. Но Андрей Ильич сразу понял, что жилец здесь уже давно потерял интерес к быту. Повсюду царил хаос, какой бывает только у людей, охваченных одной всепоглощающей идеей. Пустые коробки из-под пиццы высились шаткими башнями, грязные чашки с засохшей кофейной гущей оккупировали все горизонтальные поверхности, а одежда валялась прямо на полу, словно сброшенная змеиная кожа.

Но главное, что бросалось в глаза, это стены. Они были увешаны картами, схемами, вырезками из газет и, что самое жуткое, десятками фотографий. В центре каждой композиции висела одна и та же фотография — паспортный снимок Кирилла, сделанный год назад в ателье «Момент». От него, словно лучи чёрного солнца, расходились линии, соединяющие снимок с лицами других людей. Андрей Ильич пригляделся и похолодел. Он узнал некоторые лица. Это были его клиенты. Люди, которых он снимал за последние годы.

— Вот, полюбуйтеесь, — глухо сказал Кирилл, запирая входную дверь на все замки, словно боялся погони. — Это

плоды моего творчества за последние три месяца. Как только я начал замечать, что старею слишком быстро, я стал копать. Сначала думал — болезнь. Прогерия, синдром Вернера, что-то такое. Прошёл всех врачей. Они только руками разводили. А потом я случайно сравнил свою старую фотографию с нынешним лицом. И понял, что снимок меняется синхронно со мной.

Он подвёл Андрея Ильича к большому монитору компьютера, который был единственным островком порядка в этом хаосе. Рядом с монитором высились стопки книг. Судя по корешкам, это были труды по истории фотографии, оптике, парапсихологии и даже несколько потрёпанных фолиантов по оккультизму. Кирилл плюхнулся в кресло, защелкал мышью, и на экране развернулась паутина связей, напоминающая схему какого-то чудовищного заговора.

— Я создал базу данных, — сказал он, и в его голосе прорезались нотки былой гордости, быстро угасшие под тяжестью реальности. — Сначала просто искал людей, которые снимались у вас и умерли. Потом расширил поиск. Поднял некрологи, базы данных ЗАГСа, даже в полицейские сводки залез через знакомого хакера. И картина получилась ужасающая. Смотрите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.